

КРЕСТ В ЖИЗНИ РЕДЕМПТОРИСТКИ

о. Мак-Эйнш, Зимбабве

Конференция, прочитанная во время Встречи Региона Северной Америки
в Лигуори в 2000 году.

Одна из современных книг из области психологии, которую более всего ценю, - известная работа J. Scott Песка „The Road Less Traveled”. Она очень мне нравится, так как добросовестна, реалистична и правдива, мне представляется, что с первой строки всё в ней понятно объяснено. Первая страница начинается словами *Жизнь трудна*. Далее автор пишет, что большинство людей не может того принять, тратя жизнь на отрицание этой действительности или наполняя её бесполезными замещениями, чтобы только избежать страдания.

Однако это всегда становится явным. Некоторым образом также говорит об этом в своих работах св. Тереза, предостерегая монахинь, чтобы имели отвагу встать **лицом к лицу** с крестом. Помните, как она шутила, что некоторые сёстры не хотят жить сегодня, так как опасаются, что завтра заболеют; другие потому, что **чувствуют себя** больными; иные потому, что были больны вчера; и ещё другие – так как могли бы заболеть. Но св. Тереза говорит о том, что если будем танцевать вокруг креста, только касаясь его, смотря на него, то вознося его, то снова откладывая, а потом отвернёмся от него в страхе, то в то время, когда действительно нужно будет его нести, можем под ним упасть. Однако, если встанем перед крестом с отвагой, поднимем его и будем нести, он окажется менее ужасным по сравнению с тем, что рисовало наше удручённое воображение.

Хотел бы сегодня говорить о Пасхальной Тайне в жизни редемптористок не в форме духовной конференции на тему страдания, но только как об абсолютной ценности в нашей жизни. В *«Автобиографии»* Марии Челесте ясно определена тема смерти и воскресения. Также жизнеописания всех великих редемптористок являются свидетельством их дороги за Иисусом, а также отождествления с Иисусом Распятым и Воскресшим. Думаю, что если будем стараться опустить этот аспект в процессе нашего обновления, то он закончится поверхностной, видимой, осовремененной духовностью. В действительности ваши Конституции являются свидетельством верности тех сестёр, которые перед нами следовали за Марией Челесте. Хотя они предостерегают против чрезмерной суровости, а также чрезвычайных умерщвлений, но остаются однако верными духовности Марии Челесте, говоря о вхождении особым образом в тайну *страданий, смерти и воскресения Иисуса*. Хотел бы прочитать вам Конституцию № 9, в которой, как думаю, понятно и чётко заключено определение того, что значит Пасхальная Тайна в жизни Ордена. По моему мнению, это великолепный текст, характеризующийся верностью по отношению к первичным Правилам, хотя, безусловно, написанный иным, современным языком.

Силой любви Христа Искупителя, в которой заключается дух нашей общины, мы будем постепенно превращаться в Него и умирать для самих себя, до такой степени, что сможем сказать со св. Апостолом Павлом: «Уже не я живу, но живёт во мне Христос». Жизнь в любви, характерная для наших общин, требует от нас истинного самозабвения, которое впоследствии помогает нам освободиться от разных форм эгоизма, чтобы научиться думать о других в конкретной реальности нашей ежедневной жизни, принимаемой и переживаемой в духе простоты и служения.

Таким образом, освобождаясь от себя, чтобы облечься в Христа, мы переживаем уничтожение (кенозу) Воплощённого Слова, дополняя в нас недостаток Его скорбей и участвуя в надежде Его воскресения (Конституции, 9).

Это чрезвычайное вдохновение, становящаяся вызовом Конституция.

Пожалуйста, обратите внимание, что в ваших Конституциях и Статутах существует определённая последовательность. Конституция № 9 напоминает нам о необходимости оставления себя, а Конституция № 10 продолжает эту тему, затрагивая аспект ведения к истинному созерцанию, которое, в свою очередь, сделает вас женщинами большого сердца, сияющим посланием об обильном искуплении на целый свет, как напоминает нам Конституция № 11.

Эти пункты Конституции, а также пункты, относящиеся к *Смирению и кротости сердца* (№№ 55 и 56) и *Самопожертвованию и любви креста* (№№ 57 – 59), необходимо читать многократно, так как они содержат мысли Марии Челесте. Уверен, что они были написаны на основе 5 и 9 Правил *Первичного Устава* и включают евангельские наказания, которые становятся основами монашеской жизни, проживаемой в сердце Мистического Тела Христова, каковой является Церковь.

Я употребил некоторое время назад слово «поверхностный». С ним связана одна из проблем, которая огорчает меня в современном мире, Церкви и способе проживания монашеской жизни. Хотя думаю, что мы более, чем когда-либо ранее, включаемся в основательное учение, но задумаемся, достигают ли его результаты глубин сердец и разума современных людей. Часто приглашаю студентов для упражнения посмотреть передаваемые по телевидению «Беседы», чтобы они увидели, на каком уровне живут сегодня многие люди. Мы часто также дистанцируемся от такого способа переживания монашеской жизни, как её представляют некоторые группы, участвующие в обновлении. Это искренние, чистосердечные люди, которые прочитали все книжки об обновлении и многократно участвовали в разных курсах и семинарах. Однако пытаюсь убедиться, действительно ли они заинтересованы в жизни в том, что составляет её сущность: смерть, муки и потери – или любовь – Агапе. Это вопрос жизни. Не обесцениваю здесь процесс и перспективы, намеченные современными феминистками, или поиски новых парадигм, но пытаюсь увериться, крепко ли мы укоренены в том, что составляет основу, **прежде чем** начнём расширять наши горизонты. *Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его (Пс 127,1)*. Не хотел бы также произвести впечатление человека с узким горизонтом. Я поддерживаю усилия тех, кто ищет новые дороги развития и роста. Однако опасаясь, что некоторые из тех течений, как мне кажется, занимаются только тем, что является вызовом, не ведущим за собой изменений, и поэтому теряют своё значение.

Большим злом в современной Церкви является то, что я называю «фактор хорошего самочувствия». Это есть чистый субъективизм. Святейший Отец предостерегает перед таким положением в своей энциклике *Veritatis Splendor* (*Сияние Истины*), которая написана трудным, философским языком, однако думаю, что её содержание существенно.

Сдаётся мне, что повсюду нахожу такую позицию «хорошего самочувствия». Безусловно, это реакция на авторитаризм прошлого, но она очень небезопасна. Под её влиянием распадаются такие структуры, как супружество, семья, община. Это эгоизм и каприз наивысшего уровня, и все мы знаем, к чему он ведёт... Приведу примеры: «Мне кажется, что я не возрастаю в межчеловеческих взаимоотношениях, и хотя венчался с этим человеком на всю жизнь, однако оставляю её и найду другую, с

которой буду себя **хорошо чувствовать**». «Не чувствую себя хорошо в этой группе женщин, с которыми живу вместе. Они ограничивают мою свободу. Найму другую квартиру одна или с приятельницей так, чтобы могли выходить и возвращаться, когда хотим» (Конечно добавляя, что это даст больше возможностей для апостольской работы). Это фактор «хорошего самочувствия». «Жаль, что это особа не может принимать причастие. Три раза разводилась, но неприятно видеть, что она чувствует себя отстранённой. Безусловно, должна принять Святое Причастие. Каждый, кто хочет, должен иметь возможность принимать его. Мы никогда не должны ранить чьи-либо чувства». (Это, конечно, пародии, но они могут помочь вам понять атмосферу, о которой я здесь говорю).

Приведу также пример моей собственной семьи. Мой отец не является католиком. Он старый человек, много размышляет и читает. Несколько лет тому назад, во время моего серебряного юбилея, настоятель нашего монастыря, имея наилучшие намерения, подошёл к моему отцу и сказал: «Знаете, я думаю, что Вы должны сегодня причаститься во время Святой Мессы, которую совершает Рональд, – это было бы очень приятно для него и для всей семьи». На предложение настоятеля мой отец ответил: «**Я очень хотел бы** принять Святое Причастие сегодня во время Мессы, но это не было бы честно. Правда заключается в том, что я не нахожусь в соединении (communio) с Церковью». Я был горд за ответ моего отца и за его честность.

Правда заключается в том, что **жизнь трудна** и если хотим её жить в Иисусе, который является Истиной, то должны принять следствия, из-за которых не всегда будем **чувствовать себя хорошо**, хотя они **преимущественно будут хорошими**.

Что это значит в жизни редемптористок? Это означает постоянное возвращение к ценностям, для которых жила и умерла Мария Челесте, и включение их вновь в наш **живой опыт**, так чтобы они не были только красивыми словами, написанными мистиком восемнадцатого века, жившим в Неаполе. Как знаем, Мария Челесте много писала на эту тему в *Садике*, *Беседах души с Иисусом*, *Ступенях молитвы*, в *Автобиографии*, а также в *Духовных Упражнениях* и в *Девяти Правилах*. Не буду сейчас цитировать её работы. Однако рекомендую, чтобы вы их время от времени просматривали. Вы должны также понять, что после ваших обетов, которые вы принесли как редемптористки и во время которых вы публично обещали, что будете жить вашей духовностью в сердце Церкви, Господь будет очищать каждую из вас, а также целые общины. Хотел бы пристальней присмотреться к некоторым аспектам вашей жизни, таким, как отречение от себя (самоотречение), покорность (подчинение, податливость), жертвование и всеожжение, доверие и умирание, которые являются ключевыми элементами жизни редемптористок.

Самоотречение: Finbarr Connolly в своей книге *God and Man in Modern Spirituality* цитирует Williama Barclay, знатока Священного Писания, который говорит: «Мы никогда не поймём Иисуса, а также отношение евреев к Нему, если не поймём, как сильно перевернул Он их идеи». Пример того найдём в словах Евангелия св. Иоанна, так часто цитированных в работах Марии Челесте и в новых Конституциях. *Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода. Любящий душу свою погубит её; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит её в жизнь вечную (Ин 12, 24-25)*. Мне думается, что много даже очень религиозных наших современников забыло о том, что Воскресение, которое является основанием христианской жизни, может прийти исключительно через смерть. Воскресение является **способом жизни, который**

вырастает из смерти. Не можешь переживать Пасхальной Тайны, не можешь жить жизнью Воскресшего Иисуса, если не прошёл с Иисусом дороги Его смерти. Именно это есть духовность Евангелия.

Иисус имел большие трудности с передачей этой истины ученикам. Предостерегал их, говорил, что должно произойти, и напоминал, что если действительно хотят остаться с Ним во время самых трудных дней Его испытаний, то должны будут нести крест. Он приготавливал своих учеников на правдивое историческое событие – подлинный вызов, который ждёт каждого из нас. Мы могли бы даже сказать, что основная тема Евангелия – отречение от себя – те узкие ворота, которые находят только немногие. Думаю, что действительно находят их очень немногие. Самопожертвование – естественный элемент дороги нашей жизни, и каждая попытка замазывания этой правды в личной жизни или жизни общины будет уничтожать саму «ткань» нашей духовности. Не будем сейчас слушать приглашения и вызовы, которые Иисус нам жертвует, а остановимся только на наших заботах, связанных с настоящим моментом. Мария Челесте завещала редемптористкам труды, содержащие евангельские истины. Она говорит, что вся духовность и правила Института заключены в Евангелиях, и приглашает каждую редемптористку к тому, чтобы она превратилась в ЖИВОЕ ЕВАНГЕЛИЕ. Именно самопожертвование будет связано с посвящением времени углублённому и более духовному исследованию Евангелия. По мысли Марии Челесте, целью самопожертвования не является поиск ужасных и страшных вещей для исполнения. Скорее оно есть открывание себя на то, что приносит жизнь, а именно принятие креста в нашей повседневности – будет ли это другая сестра, работа, или условия жизни, либо наше здоровье.

Теперь не время, чтобы я подсказывал вам конкретные акты покаяния или самопожертвования, но в жизни каждого христианина или монашеской общины для них должно находиться место. Это подтверждает также и психология. Обращение, сокрушение сердца не наступит, если мы его не начнём, не будем над ним работать и не отдадим всего Богу. Помните о том, что Иисус требует всего, всё принимает в дар и достоин такого дара.

Евангельское самопожертвование связано с евангельским самоотречением, а читая Новый Завет, видите, что это абсолютное желание отдачи, а также желание покорности, подчинения. Подчиняться не легко. Бог знает, что никто из нас не любит ничего лишаться, будь то друг, аргумент, договор или престиж. Часто мы рассматриваем в мыслях такие ситуации: если бы поступил по-другому, то, может быть, не проиграл и тогда **чувствовал бы себя** лучше. Часто думаю, что в этой области монахини могут многому научиться от двенадцатиступенной программы Анонимных Алкоголиков. Как знаете, эта программа полностью опирается на покорность, подчинение Богу, или высшей силе, а с тем связано одновременно признание нашей беспомощности, а также прирождённой гордости, которая цветёт на дне сердца каждого из нас.

В духовном руководстве очень трудно довести людей до того, чтобы они могли подчиняться. Временами люди продвигаются очень далеко, до самой границы подчинения и доверия. Однако остаются на ней до момента, когда снова возвращаются к посредственности или равнодушию. Это также касается большого числа наших общин.

Вспоминаю, что около 5 лет тому назад прочитал конференцию на съезде провинций Сант Луис и Окленд. Как пример использовал тогда одну историю. Это

история группы, которая не смогла *подчиниться*. Расскажу эту историю и здесь. Несколько раз посещал одну общину в Англии. Жила она в одном из больших аббатств страны. Во времена преследований там проживало около 140 сестер. Во времена Реформации они должны были переехать в Бельгию, где оставались более 100 лет. Вернулись в Англию в начале XIX века и в то время, когда встретился с ними, в их общине было около 70 сестёр, большинство из них были уже пожилыми. Это было спустя 10 лет после II Ватиканского Собора, и сёстры считали происходящие в Церкви изменения слишком трудными, чтобы их можно было принять.

Помню одну встречу с аббатисой – это была вызывающая уважение женщина, большой крест на груди и ещё больший епископский перстень постоянно напоминали о её положении. Она сказала мне с огромной уверенностью в себе: «Мы не изменимся. Наша история и наши традиции неизменны, наше призвание вечно», а потом добавила немного агрессивным тоном: «Скорее **мы умрём**, чем изменимся».

Около 5 лет тому назад ещё раз посетил то аббатство. Это было очень грустное зрелище. Четыре старых сестры с трудом передвигались по старому монастырю. Аббатство было закрыто месяц спустя. История та кажется знакомой. Несколько крепких старых сестёр (и одна амбициозная сестра средних лет) отказались приспособиться к новым временам, не захотели меняться. Младшие сёстры ушли. Другие сёстры были переведены в дом опеки, большинство умерли. Помню леденящие душу слова прежней аббатисы: «Мы скорее умрём, чем согласимся на перемены». Несомненно, она уже не видела медленного движения печальных старых монахинь в инвалидских колясках по огромному, пустому монастырю. Однако её угроза исполнилась.

Помню, подумал тогда, что из-за упрямства и отказа поддаться она и её последовательницы достигли того, чего не удалось совершить Реформации с помощью силы, то есть привели к ликвидации монастырскую общину. Мне думается, что нежелание поддаться привело к духовному самоубийству общины, так как упрямство и гордость противились любым переменам.

Это крайний пример, однако он напоминает нам о том, что люди, которые не могут поддаться истории и сменить вместе с практиками свой способ мышления и которые не в состоянии подчинить своей воли Богу, Святому Духу и Церкви, встречаются с серьёзными проблемами. Подчинение является для редемптористок очень важным аспектом жизни Иисуса распятого и умирающего.

Как реализовать это практически? Можно сказать в общем – мысля в единстве с Церковью. Но часто это совершается каждый день во время наших встреч, в отношениях с другими людьми, тогда, когда встречаемся с ними в любви и сердечности. Мы все склонны выбирать то, что **мы** хотим и любим, и что **нам** подходит. Это очень естественная реакция. Однако требуется, чтобы мы реагировали сверхъестественным образом. Подходим ли мы к жизни вполне открытыми на требования истинной любви, которая является Планом Отца? Второе – своей жизнью учим ли других, поощряем и помогаем ли в **возрастании в покорности** (в духе подчинения). Духовностью нашего века является самореализация, «я» через большое «Я», тотальное утверждение собственного «я». Но школа, которой является монастырь редемптористок, должна каждый день учить нас и напоминать о необходимости возрастания в духе подлинного христианского самопожертвования, а в конце также подчинения Иисусу и друг другу. Каждый день будем заканчивать молитвой

подчинения себя Иисусу: «В руки Твои, Господи, отдаю дух мой». Эти слова должны также характеризовать нашу каждодневную позицию.

Безусловно, жизнь в этой школе будет связана с **жертвованием себя, со всесожжением**, о котором хотел бы сейчас сказать. Уверен, что это непопулярные темы. Когда о них говорится сегодня, некоторые люди признают их за Ветхозаветные понятия. Жертва ассоциируется с жертвоприношением животных, холокост (всесожжение) напоминает нам о бессмысленном убийстве миллионов евреев в немецких концлагерях. Но даже эти факты напоминают нам о святости и благородстве духа, которые проявились в Эдите Штайн, Дитрихе Бонхоффере, Максимилиане Кольбе и тысячах других, способных к открытию мира, красоты и истинной любви даже среди адского страдания.

Здесь требуется сказать очень ясно, что во время принесения обетов мы полностью принесли в дар самих себя – наше тело, сердце и дух. Такова природа истинного монашеского посвящения. Это жертва, которая становится всё более непризнаваемой в современном мире, где полная отдача себя почти неизвестна. Связи супружеские, а также религиозные часто игнорируются, когда люди переживают серьёзные трудности, а идея отождествления себя с полной, безумной жертвой Иисуса замещается мудростью этого мира. Но ничто другое, чем полное дарование себя, не имеет смысла. Временами у человека забирается его тело. Видел сестёр, которые героически боролись с раком и жертвовали свои истощённые тела, как совершенную жертву прославления. Временами это «распятие» разума, которое проявляется как болезнь чувств или ума. Также это может быть и «распятие» духа, такое, как ощущение темноты, пустоты, депрессия. В другой раз непонимание близкими людьми становится таким огромным, что жизнь превращается во всесожжение, отданное Богу. Весь эгоизм, престиж и уважение общества как бы сгорают до такой степени, что душа уже не имеет ничего для пожертвования, кроме «голой» веры в невидимого Бога.

Так именно жила и умерла Мария Челесте – Иисус умер и жертвовал себя через неё, с ней и в ней. Я прошу, чтобы вы не думали, что это образный, мистический язык. Это происходит в жизни отдельных людей и в жизни общин совершенно обычным образом. Но это происходит. Верю, что много редемптористок призвано, чтобы вновь прожить **жертву** Иисуса, который отдал себя как жертву всесожжения за мир. Не это ли находится в самом сердце призвания редемптористок? Но помните, что совершается это самым обычным, земным способом.

Сейчас, когда говорю это, хорошо сознаю, что некоторые люди признают тему подчинения и жертвы как негативную, быть может относящуюся к теологии креста, характеризующей прошлое столетие. Но если прочитаете работы истинно больших современных психологов, таких как Юнг, Menninger, Rollo May и других, обратите внимание на то, что каждый из них по-своему сожалеет из-за отсутствия правдивой теологии креста в нашем столетии – теологии интегральной, которая даёт жизнь и придаёт смысл человеческому существованию. Безусловно, Мария Челесте вместе с Альфонсом де Лигуори были уверены, что крест является не только частью нашего призвания, но также привилегией. Оба говорят о том, что клевета, преследования, непонимание и тому подобные трудности являются благодатью для них и для их Институтов. Думаю, что удивительным образом это отражается эхом также и в современной теологии. Проблема страдания не нова. Каждое поколение должно с ним (со страданием) бороться. Но теология очень редко должным образом оценивает концепцию апостола Павла, которая обнаруживается в письмах Марии Челесте, и

которая, должен признать, является единственной в своём роде у редемптористок и становится сердцевиной теологии или духовности редемптористок – Христос страдающий, умирающий и приносящий жертву в нас. Безусловно, это очень спорная, дискуссионная проблема. В сороковых годах, незадолго перед своей смертью, Бонхоффер написал, что «только страдающий Бог может помочь». В пятидесятых годах Жак Маритен, знаменитый католический философ, утверждал, что «мы должны соединить наше страдание с Богом, так как идея нечувствительного Бога является проклятием для мира». Карл Раннер также углублялся в подобные размышления. Это дискуссионный пункт, о котором я лишь вспомнил. Edward Schillebeeckx считает, что Бог не страдает, но солидаризуясь со состраданием, жертвует своё полное сочувствия присутствие. Но другой великий теолог Moltman представляет теологию страдающего Бога. «Бог страдает», утверждает Moltman, «не из-за несовершенства Его Божественной природы, но со свободой позволяет, чтобы то, что касается других, коснулось также и Его». Это было переведено на язык апостола Павла в терминах Тела Христова. Интерпретировали эту тему также теологи третьего мира, которые находили страдающего Иисуса в нищих, преследуемых и в тех, которые становились отбросами общества из-за режима или невольнической идеологии. Часто думаю, что мы могли бы этим людям предложить простую духовность Кростарозы.

Истина такова, что крест находится в сердце Благой Вести, потому что крест одновременно является символом и вместе с тем действительностью Божественной спасительной любви. Поэтому он не находится на периферии христианской и религиозной жизни, где мог бы быть причислен к ряду христианских богослужений. Он должен находиться в её сердце, в самом центре Символа веры. «Распят при Понтии Пилате. Сошёл в ад. В третий день воскрес по Писаниям». Когда-то я видел плакат со словами Бонхоффера и подумал, что он мог бы быть написан Марией Челесте: «Когда Христос призывает человека, то зовёт, чтобы он пошёл за Ним на смерть».

Существенно вот что: в самом сердце духовности редемптористок находится воззвание, напоминающее людям, что умирающий из-за любви Иисус может придать смысл многим крестам, к несению которых призваны Его ученики. Этими крестами могут быть нищие; люди, оказавшиеся на «обочине» общественной жизни (маргиналы); узники; больные СПИДом; преследуемые и убиваемые в Боснии и Руанде; или голодающие в Сомали. Безусловно, это бросает свет на ваше собственное страдание, борьбу со старостью, опыт смерти друзей вместе с собственной смертью. Карл Раннер, один из лучших теологов 20 века, по-моему, повторяет слова Марии Челесте (а именно относящиеся к редемптористкам), когда пишет: «Христианин всех времён следует за Христом, умирая с Ним. Целью, правдой, действительностью и универсальной мерой следования за Иисусом является следование за Распятым» (*Теологические Размышления, том 22*).

Также необходимо передавать молодым сёстрам требования, связанные со следованием за Распятым Господом, которые являются наивысшим актом веры, подчинением в надежде и любви непостижимой тайне Бога. Мария Челесте нашла очень хороший способ распознавания, действительно ли мы умираем для себя самих. Она предлагает каждодневную практику испытания совести, которую можно найти в *Антологии под № 102*.

И наконец, не могу закончить этой конференции, не затронув темы **доверия и умирания**. Те из вас, кто участвовал в проводимых мною реколлекциях, знают, что

это есть элемент, который я считаю ключом для понимания кростарозианской духовности, а следовательно, духовности редемптористок.

Когда читаю о таких общинах, как Санта Агата деи Готи, которым грозит закрытие монастыря, когда вспоминаю о девяти добрых сёстрах в Гильмос в Англии, то часто думаю о неуверенности, которую многие из них, по всей вероятности, испытывают. Когда в духовном руководстве встречаюсь с сёстрами, которые, непонятые, отодвинуты на «обочину», оклеветаны, то тогда же вспоминаю об опыте, пережитом в Ордене неисчислимыми редемптористками в течение веков. Я не должен говорить вам о том, что должна была переносить Мария Челесте. Она страдала из-за давления со стороны Церкви, со стороны тех, которых любила и которым доверяла. Действительно была покинута. Её духовный друг Герард Майелла тоже был отстранён, осуждаем настоятелями, братьями и людьми светскими. Характерная черта духовности нашего Института – быть отвергаемым и пренебрегаемым. Не для нас почести мира, говорит св. Альфонс – как же это правдиво!

Нужно сказать, что это отвержение обнаруживается в самом сердце нашего призвания, оно означает пребывание на болезненной границе в ощущении того, что ты бесполезен, ненужен, что с тобою всё кончено и, в итоге, ты покинут всеми; и ожидать там Бога. Присмотритесь к некоторым общинам, которые я раньше называл. Подумайте о Скала в конце прошлого века, где оставались только две сестры первого хора и три – второго, все в пожилом возрасте. Подумайте о Фоджа, где должны были наступить истинные смерть и воскресение, где последняя сестра умерла в 1924 году, воскресение наступило только тогда, когда две новые сестры прибыли туда в 1933 году. Подумал о Barrie, где из четырех основательниц через два года сначала умерла настоятельница, а через четыре года – её преемницы. Подумайте об их настоятельницах от Торонто до Barrie, Keswick, Willowdale и до Fort Erie. Наверное, знаете много похожих ситуаций на всём свете – вспоминаю об Австралии. Перед лицом стольких трудностей легко было бы впасть в малодушие, подумать, что уже не будет будущего. И действительно, нет такого будущего, как мы его понимаем. Но в момент перехода с креста к воскресению открываются новые горизонты. Необходимо только, чтобы мы всегда пребывали в глубоком отождествлении с Иисусом. George Aschenbrenner говорит, что «каждодневное истинное осознание себя учеником Иисуса, великая миссия Иисуса требует радикального доверия, которое характеризует Иисуса в Его любви к Отцу». В итоге только это позволит нам выстоять – «голая» вера, которая разгорелась в раскаленных углях глубокой любви.

Не уверен, как лучше передать это тем, кто находится в процессе формации. Это может прозвучать трагично и романтично; но действительностью является страдание, чувство отверженности и крест. Мы должны быть реалистами во время формации молодых. Безусловно, речь не идёт о том, чтобы их раздражать. Мы не должны также применять «скорой помощи», прибегая к ней при первых трудностях и покрывая их боль эмоциональным бандажом или пластырем. Эти молодые женщины должны узнать глубину их призвания, а это включает в себя, даже в самых молодых годах, опыт отвержения, который переживал также и Иисус.

Хотел бы закончить цитатой из Марии Челесте. Есть много текстов на эту тему.

Если вы действительно желаете подражать Мне в моей совершенной любви к Отцу, тогда любите всю душу страдание, каждый крест и муку, которые понравятся Ему вам послать, не только ради вечной жизни, но также чтобы сделать вас живыми изображениями моего человечества... Невозможно для души настоящее

подражание нашему Господу Иисусу Христу, а также совершенное исполнение правил и конституций, если она сначала в своей жизни не обнимет креста и во всем не отречется от своей воли, чтобы исполнять только волю Бога... Поэтому тот, кто желает достигнуть настоящего единства и подобия этому Божьему и христианскому Образу, пусть наберется смелости и решится оставить все... С любовью да примут болезни, муки, кресты и внутренние огорчения.

И в конце хотел бы подвести итог тому, о чём здесь говорил. Во-первых, обращаю внимание на то, что требуется в обновлённой духовности признать особое место за темой креста в жизни редемптористок. Безусловно, речь идёт о **здоровой теологии креста**. Мы должны задать себе вопрос, не приняли ли мы ценности современного общества и рациональным образом не пытаемся ли убрать из нашей жизни крест, творя удобный стиль жизни со многими дорогами, позволяющими избежать того, что является трудным? И снова нужно поставить этот вопрос, как на личном, так и на общинном уровне. Требуется, чтобы мы приняли, что всякое истинное обновление или оживление будет нести в себе **элемент страдания**. Приготовлены ли мы к этому? Знаю много женских общин, которые обратили на это внимание и честно ответили на эти вопросы: «Нет, мы не можем принять эти требования, мы слишком стары» или «не может принять этой теологической перспективы» и решились на достойную смерть, на уничтожение того, что сами выбрали. Не буду их осуждать.

Думаю, что мы находимся на том этапе, когда **требуется принять решение**, требуется сделать выбор между поверхностностью и любовью – агапе, между посредственностью и страстью, между внешне правильной монашеской жизнью и радикальным стилем жизни, между лёгким существованием и крестом, между тем, чтобы быть редемптористкой на словах и быть ею на деле. Между позволением Христу, чтобы он во мне существовал и согласием также на то, чтобы Он во мне страдал, умирал и воскресал. Это есть наш выбор. Будущее будет зависеть от нашего ответа.